

Т. Г. ЦЯВЛОВСКАЯ

ОТКЛИКИ НА СУДЬБЫ ДЕКАБРИСТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Теме «Пушкин и декабристы», важной для понимания общественных воззрений и устремлений великого поэта, посвящено много работ, начиная с замечательной статьи пушкиниста В. Е. Якушкина, внука декабриста, «Общественные взгляды Пушкина», появившейся в печати накануне 1905 г.¹ Вслед за ней вышло исследование А. Л. Слонимского, напечатанное около семидесяти лет назад,² но не устаревшее и в наши дни.

В этих статьях поднят вопрос о политических убеждениях, умонастроениях Пушкина, о взаимоотношениях поэта и декабристов, выявлен и собран материал по этим жгучим вопросам, разрешены — в общем хорошо и справедливо — сложные вопросы по этой теме.

Обращались к ней не раз в дальнейшем литературоведы и историки общественного движения в России.

Не предполагая пересматривать положения этих ученых, я позволю себе коснуться откликов Пушкина на аресты, казнь и ссылку декабристов, а также и тех частных вопросов по этой теме, которые оставались до сих пор в тени.

1

Первыми откликами в рукописях Пушкина на декабрьские события были его рисунки — самая непосредственная, импульсивная часть творчества Пушкина, выдающая красноречиво, хоть и без слов, тревоги, волнующие душу поэта.

¹ Якушкин В. Е. *Общественные взгляды Пушкина*. — Наши дни, 1904, № 6.

² Слонимский А. *Пушкин и декабрьское движение*. — В кн.: Пушкин. Под ред. С. А. Венгерова. Т. II. СПб., 1908, (Б-ка великих писателей), с. 503—528.

Рисунки, которые связываются с событиями 14 декабря, были прежде всего портреты — портреты тех, о чьих арестах было сообщено в газетах, а также и тех, о ком не сообщалось, но кого он знал как революционно мыслящих и за кого мог опасаться.

Впервые после восстания портреты декабристов появились на полях черновиков пятой главы «Евгения Онегина» в начале января 1826 г., не ранее 4 числа.³ На первом же листе с рисунками (л. 80 об.) находятся голова неизвестного, принимавшаяся за Пестеля, и портрет молодого человека в парике, который один исследователь принимал за автопортрет, стилизованный под Робеспьера («двойной Пушкин — Робеспьер»),⁴ а другой возражал, что «на сходство с этим портретом не менее, чем Пушкин и Робеспьер, могли бы претендовать Сийес, Байи или Баррер».⁵ На том же листе нарисован великолепный портрет Мирабо и кто-то, кого сочли — не очень убедительно — Вольтером. Тут же профиль Рылеева и несколько неустановленных лиц, среди которых могут быть и декабристы.

На следующем листе (л. 81 об.)⁶ нарисованы названные в газетах как заговорщики: Пушин — молодым, еще может быть лицеистом, с вздыбленными волосами, горящими глазами, и второй его портрет, с морщинами на лбу, с баками, — таким видел его Пушкин в Михайловском год назад. Тут же нарисованы неизвестный (принимавшийся за Пестеля), Дельвиг (принимавшийся за Вяземского) и также Кюхельбекер и Рылеев. Кюхельбекер изображен пять раз. Рисунки сосредоточенные, сделанные в одиночестве, в задумчивости. Это была реакция на сообщения в газетах, где приводился список «зачинщиков» событий, среди которых из знакомых Пушкина названы: Рылеев, Каховский, четверо Бестужевых, Трубецкой, Корнилович, Пушин, Кюхельбекер. «Все они уже взяты и находятся под арестом, кроме Кюхельбекера, который вероятно погиб во время дела», — сообщалось

³ Я не касаюсь здесь портрета декабриста В. Ф. Раевского, нарисованного в 1822 г., после его ареста; также оставляю в стороне портрет Пестеля, нарисованный Пушкиным в 1824 г., во время писания его «Записок» («Воспоминаний»). «4 генв.» помечено начало черногового текста главы пятой во «Второй масонской тетради» (ИРЛИ, № 835 (старый шифр — ГБЛ, № 2370), л. 79 об.; опубликовано: Пушкин. Полн. собр. соч. (в дальнейшем: Пушкин). Т. 6. [М.—Л.], 1937, с. 378).

⁴ Эфрос Абрам. 1) Рисунки поэта. М.—Л., 1933 (в дальнейшем: Эфрос), с. 216—217 и 318—340; 2) Декабристы в рисунках Пушкина. — В кн.: Литературное наследство. Т. 16—18. М., 1934, с. 928—929. 1-я вкладка; см. также: Цявловская Т. Новые определения в рисунках Пушкина. Пестель. — В кн.: Пушкин и его время. Исследования и материалы. Вып. 1. Л., 1962, с. 344—355.

⁵ Томашевский Б. В. Автопортреты Пушкина. — В кн.: Пушкин и его время. Исследования и материалы. Вып. 1. Л., 1962, с. 326.

⁶ Эфрос, с. 218, 219 и 340—356; Эфрос Абрам. Декабристы в рисунках Пушкина, с. 928, 929, 2-я вкладка.

официально.⁷ Портрет же Дельвига, который нарисован тут же, хотя имени его в газетном сообщении не было, говорит о том, что у Пушкина были основания беспокоиться о своем друге. Слишком хорошо знал поэт его политические высказывания, о которых он сочинил надпись к портрету Дельвига:

Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил,
Что, коль судьбой ему даны б Нерон и Тит,
То не в Нерона меч, но в Тита сей вонзил —
Нерон же без него правдиву смерть узрит.⁸

Мучительны эти изображения старых друзей! Создается впечатление, что, прочитав о том, что Пущин арестован, Пушкин представил себе, каков стал его друг после неудавшегося восстания, ареста и допросов, — подорванным, с потухшими глазами...

А Кюхельбекера, о котором Пушкин прочитал, что он «вероятно погиб во время дела», он рисует то хмурым, то сияющим, то внимательно слушающим, — это милый юный Кюхля с его живой реакцией на обидные эпиграммы Пушкина и на его стихи. Наконец, последний Кюхельбекер — уже зрелый литератор. Поэт точно бы воскрешает «погибшего» друга этими живыми зарисовками...

Но кто же этот «неизвестный», принимавшийся за Пестеля? Судя по тому, что Пушкин нарисовал его дважды среди декабристов, — это человек, которого он хорошо знал и значение которого он себе представлял.

Далее следует известный лист с множеством портретов декабристов, на нем аннотация рукой А. Н. Вульфа: «Эскизы разных лиц замечательных по 14 Декб. 825 года работы Алекс. Серг. Пушкина во время его пребывания в с. Тригорском в 826 году».⁹ Лист этот происхождения тригорского, бывшая обложка книги; нет на нем пушкинских текстов, которые помогли бы выяснить более точную датировку, нежели 1826 г., помеченный Алексеем Вульфом и принятый учеными.¹⁰

Многие из портретов на обеих половинах листка общими усилиями удалось расшифровать. И оказывается — это люди, названные в газетах тех дней и письмах Пушкина того времени:

⁷ Русский инвалид, 1825, № 305, 29 декабря; перепечатано в кн.: Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. Т. 1 (1825—1876 год). СПб., 1906, с. 6; см. также: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. М., 1951, с. 662.

⁸ См. статью «Политические эпиграммы» в кн.: Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 47—58.

⁹ ИРЛИ, № 798. — Воспроизведено: Литературное наследство, т. 16—18, с. 944, 945 и 937.

¹⁰ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание. Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.—Л., 1937 (в дальнейшем: Рукописи Пушкина), с. 283.

Н. Н. Раевский-младший, С. П. Трубецкой, С. И. Муравьев-Апостол, В. Ф. Раевский, Рылеев, А. Н. Раевский (не Грибоедов, за которого его принимали), а также и неустановленные лица. На обороте листа: А. И. Якубович, И. И. Пушкин, далее лицо, которое позволяет задуматься, не Пестель ли это? — и еще два неустановленных лица. Тут же нарисованы дважды весы с перевесом одной из чаш — символ Фемиды, суда.

Дальнейшие портреты декабристов¹¹ Пушкин рисует уже в Москве, у В. П. Зубкова,¹² вероятно в сентябре—октябре, когда состоялось знакомство с этим другом Пушкина, сидящего в Петропавловской крепости, и они говорили о декабристах, и Зубков, сам просидевший десять дней в крепости, рассказывал поэту все, чему свидетелем был.

Это — превосходные портреты Пестеля, Трубецкого, Рылеева, нарисованные на одном листе с портретом Вяземского и, может быть, В. Ф. Вяземской.

К тому же периоду относятся и вырезанные впоследствии из большого листа портреты, также нарисованные у В. П. Зубкова.¹³ Это — Рылеев, Юшневский, неустановленный военный в эпохетях (тоже считался Пестелем, хотя внешность у него иная, чем у двух уже упомянутых мнимых Пестелей), а также лица, к декабристам прямого отношения не имеющие: Веневитинов (если это он), Пальчиков, Вяземский, Вяземская, А. Л. Давыдов, два автопортрета. Смелые, обобщенные рисунки, с остро утрированными чертами. Нарисованы уже в более спокойном состоянии духа, без боли.

Вновь тянутся пальцы Пушкина «к перу, перо к бумаге» во время разговора с одним из «минутных друзей минутной младости», Юрьевым, уже в Петербурге, куда он приехал из Москвы весной 1827 г.

От Юрьева, очевидно, и услышал Пушкин рассказ, легший в основу рисунка: Рылеев в старинной фризовой шинели с множеством откидных воротников, как был он 14 декабря на площади, а Кюхельбекер, бывший в морозное утро 14 декабря без шубы или шинели, в одном фраке, с большим пистолетом и жандармским палашом в руках.

¹¹ ИРЛИ, № 808. См.: Рукописи Пушкина, с. 287. Воспроизведено: Литературное наследство, т. 16—18, с. 933.

¹² Аннотация «рукой неизвестного» (см.: Рукописи Пушкина, с. 287) «Tout cela a été dessiné par A. Pouchkin» сделана рукой В. П. Зубкова. Хранитель рукописей Пушкина и Пушкинского фонда в Институте русской литературы (Пушкинском доме) АН СССР Р. Е. Терехина подтвердила мою заочную догадку (в ее письме ко мне, хранящемся в настоящее время в моем архиве).

¹³ См.: Эфрос А. М. Рисунки. — В кн.: Летописи государственного литературного музея. Кн. 1. Пушкин. М., 1936, с. 365—371. — Воспроизведены рисунки на вкладке между с. 368 и 369; см. также: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 года. Краткое описание. Сост. О. С. Соловьева. М.—Л., 1964, № 1715—1722, с. 84.

Тут же, под разговор, Пушкин и изобразил бедных своих, злополучных друзей.¹⁴

На листе аннотации рукой Ф. Ф. Юрвева: «Кюхельбекер, Рылеев. 14 декабря 1825. Рисовал Александр Сергеевич Пушкин».

Добродушная шутливость, которая сквозит в этих рисунках, понятна, если сопоставить их с тем, что Кюхельбекер оказался арестованным в Варшаве. Об этом было объявлено в газетах.¹⁵ Значит, жив оплаканный друг! И природный юмор Пушкина отозвался на рассказы о Кюхельбекере в том же духе, что и Пущин, писавший: «Если вам рассказать все проделки Вильгельма в день происшествия <...>, то вы просто погибли бы от смеху, несмотря, что он был тогда на сцене трагической и довольно важной».¹⁶

Эти рисунки, такие разнообразные, отражают различные состояния души поэта. То печальные и провидческие — после первых известий о событиях 14 декабря, о восстании, о его разгроме, об арестах друзей; то нервные, быстро набросанные портреты, небрежно и лихорадочно заполняющие лист, в разных направлениях, в разных масштабах — художник вспоминает еще и еще лица обреченных друзей; то, наконец, под разговор с приятелем — мастерские, чеканные, уже точно бы спокойные с пробивающейся добродушной улыбкой, в несколько даже шаржированном виде.

Портреты эти — драгоценный памятник близкой дружбы Пушкина с деятелями тайных обществ.

2

Еще в июле, через десять дней после события, дошла до Пушкина весть о казни пятерых декабристов.

Давно известны заметки Пушкина, записанные в одной из его рукописей и напечатанные в таком виде:

Усл. о см. 25
У о с. Р.П.М.К.Б. 24

Расшифровали их: «Услышал о смерти Ризнич 25 июля 1826 г. Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24 июля 1826 года».¹⁷

Если расшифровка второй строки бесспорна, то толкование, да и чтение первой — ошибочно. Имя Ризнич привнесено извне

¹⁴ Подлинный рисунок — во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде. Воспроизведено: Цявловская Т. Рисунки Пушкина. М., 1970, с. 128, 165.

¹⁵ Русский инвалид, 1826, № 23, 28 января.

¹⁶ Письмо к Е. А. Энгельгардту 26 февраля—12 июля 1845 г. — В кн.: Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. [М.], 1956, с. 200.

¹⁷ См.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. [М.—Л.], 1935 (в дальнейшем: Рукою Пушкина), с. 307—310.

в раскрытие этих аббревиатурных записей лишь потому, что сделаны они на нижнем поле белого автографа стихотворения памяти Амалии Ризнич — «Под небом голубым страны своей родной...», — озаглавленного здесь «29 июля 1826».

Написано же там не «см.», а «С.».¹⁸ Замечено это Б. В. Томашевским еще в 1932 г. Он предполагал, что «Усл. о С.», возможно, означает «Услышал о Сибири» (письмо Б. В. Томашевского ко мне от 5 IV 1932 г. — в моем архиве). Новое чтение было прочно забыто — и не только адресатом Б. В. Томашевского,¹⁹ но и им самим.²⁰ Так старая ошибка чтения и толкования утвердилась в литературе.

Сообщено в печати это новое чтение и толкование пушкинской аббревиатурной записи было лишь спустя 25 лет после правильного ее прочтения,²¹ когда автора этого исправления уже не было в живых. Эта задержка в сообщении правильного чтения дала простор домыслам, якобы непреложно вытекающим из анализа начертаний автографа. Выступил с докладом И. А. Новиков, он доказывал, что равнодушные Пушкина при известии о смерти когда-то любимой женщины, которое поразило самого поэта, становится ясным, если сопоставить дату в заглавии элегии — «29 июля 1826» — с пометами под текстом: «Усл. о см. 25. У о с. Р. П. М. К. Б. 24». Накануне он узнал о казни декабристов, и все было подавлено этим трагическим сообщением.²² Вскоре с подобными же соображениями выступил Д. Д. Благой.²³

Убедительность аргументации исследователей теряет силу, когда выясняется, что имя Ризнич привносится в помету произ-

¹⁸ Кстати, здесь вместо нового стиха, своего, открывающего элегию, Пушкин ошибочно записал стих Батюшкова «Под небом сладостным Италии своей» из «Умирающего Тасса» (сообщил С. М. Бонди). В сознании Пушкина отложился этот гармонический стих из осужденной им в целом батюшковской элегии (см.: Пушкин, т. 11. [М.—Л.], 1949, с. 283—284).

¹⁹ В старой транскрипции напечатано в кн.: Рукою Пушкина, с. 307; см. также: Пушкин, т. 3. [М.—Л.], 1948, с. 576.

²⁰ См.: Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т. II, М.—Л., 1949, с. 440; т. VIII. М.—Л., 1949, с. 20 и 492. (Автобиографические заметки, как и весь VIII том, подготовлены к печати Л. Б. Модзалевским, но все это издание, так называемое «малое академическое», возглавлял Б. В. Томашевский).

²¹ Дьявловская Т. Г. Примечания к стих. «Под небом голубым страны своей родной...». — В кн.: Пушкин А. С. Собр. соч. в 10-ти томах. Т. II. М., 1959, с. 688; см. также мое письмо к В. М. Анисимову от 27.II.1968, напечатанное в его статье «Две пушкинские строки» (Русский язык в киргизской школе, 1968, № 3, с. 14—15).

²² Доклад И. А. Новикова «Первые поэтические отклики Пушкина на казнь декабристов» в Пушкинской комиссии Союза писателей 29 марта 1935 г. (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 1. М.—Л., 1936, с. 366). Вошло в его книгу «Пушкин в изгнании» (М.—Л., 1947, с. 665—666).

²³ Доклад Д. Д. Благого в Институте мировой литературы 1935 г. (в кн.: Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.—Л., 1950, с. 513—514).

вольно и что, по-видимому, обе пометы говорят о декабристах — о высылке в Сибирь и о казни.

Расположение же помет возле стихов, связанных с Ризнич, — это характерная для Пушкина случайность: он делал записки о важных ему событиях на первом попавшемся под руку листке.

3

Внезапный приезд за Пушкиным фельдъегеря из Москвы, привоз его во дворец в Кремль обострили в нем чувство солидарности и с погибшими и с сосланными друзьями.

Беседа с Николаем с глазу на глаз была в сущности мягким допросом, который закончился благополучно. Новому царю важно было, чтобы возвращение из ссылки любимого поэта перевесило в глазах общества казнь декабристов.²⁴ А могло быть совсем иное. . . Тем более что, уезжая из Михайловского в неизвестность, Пушкин будто бы захватил стихотворение на 14 декабря, которое до нас не дошло. «Являясь в Кремлевский дворец, Пушкин имел твердую решимость, в случае неблагоприятного исхода его объяснений с государем, вручить Николаю Павловичу на прощанье это стихотворение» (А. П. Пятковский со слов А. В. Веневитинова). Об этом не дошедшем до нас стихотворении в «возмутительном» духе свидетельствуют Соболевский, А. В. Веневитинов, Шевырев, Погодин, Хомяков, Нащокин, «бывшие в тесном общении с поэтом осенью и зимой 1826 г.»²⁵ Свидетельства их несколько опорочены виршами, которые они пытались представить как пушкинский вариант окончания «Пророка». Вот этот текст, записанный в 50-х годах, по памяти названных лиц:

Восстань, восстань, пророк России,
Позорной ризой облекись
И с вервьем вокруг смиренной выи
К царю явись!

Слова, недопустимые в то время в печати, были записаны сокращенно: ц. г. (или: у. г.). Восстановили незаписанные слова по догадке: «К царю-губителю явись» или «К убийце гнусному явись».

Поверить в то, что пушкинский пророк непосредственно после пребывания своего в «библейской» по своему пейзажу, воображаемой пустыне попадает вдруг в совершенно конкретные топографические условия, превращается в «пророка России», облачается

²⁴ Об этом говорил в своем последнем докладе «Ауденция Пушкина у Николая I» М. А. Цявловский на открытом заседании Института мировой литературы в 1947 г.

²⁵ Все эти свидетельства собрал и привел М. А. Цявловский (Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 годах. М., 1925, с. 34 и 91—94).

в одежду висельника и направляется в Зимний дворец к императору Николаю I для беседы, — невозможно.

Появившиеся в печати новые данные внесли поправки в сведения, заключающиеся в прежних публикациях.

«„Пророк“ он написал, ехавши в Москву в 1826 году. Должны быть четыре стихотворения. первое только напечатано (Духовной жаждою томим etc.)». Так писал 29 марта 1837 г. Погодин Вяземскому, надеясь, что при разборе бумаг Пушкина Вяземский и другие писатели разыщут неизвестные произведения умершего поэта.²⁶

Таким образом, четверостишие представляет собою не вариант окончания «Пророка», а, вернее всего, искаженную запись фрагмента одного из трех стихотворений противоположительственного содержания о казненных декабристах из цикла на тему «Пророк».

4

Казнь декабристов преследовала Пушкина. Смертная казнь не применялась в России со времени четвертования Пугачева — полстолетия.

И казнь — не только приговор к смерти, но смерть, обрыв жизни, смерть насильственная, смерть «постыдная» — повешение... и, наконец, физическая смерть, мучительная, от удушения... — все это должно было возвращаться в сознание Пушкина всякий раз, когда он думал о том, как были выведены из жизни пять человек, с которыми он беседовал, дружил, переписывался, кому читал свои запретные политические стихи...

Вернувшись в «свою избу» 9 ноября из Москвы, где после аудиенции у нового царя круто изменилась его судьба, Пушкин взялся прежде всего за пятую главу «Евгения Онегина», от которой давно отошел. Но, написав четыре строфы (пробуждение Татьяны после знаменитого сна и ее попытка разгадать свой сон), поэт оторвал себя от любимого детища и занялся вынужденным делом. Еще в Москве получил он письмо Бенкендорфа: «...его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества». В Михайловском он засел за эту трудную работу. В неделю она была сделана (дата в заключении рукописи: «Михайловское. 15 ноября 1826 года»). И со спокойной совестью поэт вернулся к роману (именины Татьяны). Под последней строфой главы — дата: 22 ноября.

В эти дни зародились стихи:

И я бы мог, как шут ви...²⁷

²⁶ Цявловский М. Заметки о Пушкине. 4. Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина. — Звенья, VI. М.—Л., 1936, с. 153. Ср.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974, с. 373—374.

²⁷ Предпоследнее слово читали сперва как «тут» (см.: Пушкин. Под ред. С. А. Венгерова. Т. II, с. 528). Это было справедливо опроверг-

— вот и все, что легло на бумагу. Недоконченное слово значит, очевидно, «висеть».²⁸

Последние два слова сразу же зачеркиваются. Выражение «висеть как шут», искушавшее исследователей догадками, существовало в языке.²⁹

Записанная строка является стихом. Это слышно по ритму, по характеру текста (такой лирической интонацией Пушкин прозы не начинал), видно это и по отступу строки.

Величина же отступа говорит, что стих должен был быть коротким. В таком случае это излюбленный Пушкиным четырехстопный ямб. Значит, весь первый стих уже почти написан. Почти потому, что, не дописав слова «висеть», поэт отказался от него, — как, впрочем, и от сравнения.

Недописанный стих томит Пушкина, он повторяет его на том же листке, уже без сравнения — И я бы мог. . .

Итак, перед нами самое начало стихотворного произведения с мыслью о том, что и он, Пушкин, мог быть повешен.

Вторая запись первого стиха сделана тогда же, на том же листе, ниже, среди рисунков, которые поэт стал набрасывать, когда стихи «не пошли». Задумавшись, Пушкин рисует. Рисует дядю своего Василия Львовича Пушкина,³⁰ добываясь сходства, рисует его портрет за портретом. Большой портрет, в котором

нуто С. А. Венгеровым (там же, с. 530). К его аргументам можно было бы добавить, что слово «тут» еще не могло бы возникнуть на этой стадии заполнения листа, — что сперва написан текст, как ясно опытному текстологу, а затем уже сделаны рисунки, в том числе и оба изображения виселицы. Это утверждал еще автор монографии о рисунках Пушкина А. М. Эфрос (см.: Эфрос, с. 358).

²⁸ Последнее недописанное слово читали как «на» (см.: Рукою Пушкина, с. 159). Расшифровано как «висеть» в моей статье «Невоплощенный замысел Пушкина» (Литературная газета, 1972, № 11, 15 марта, с. 7). О том, что это — стих, писал еще А. М. Эфрос (Рисунки поэта. М., 1930, с. 320).

²⁹ См.: Рукою Пушкина, с. 160. — М. А. Цявловский привел там стихи из ироя-комической поэмы В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771 г.); Зевс грозит богам за неповиновение ему:

А если кто из них хоть мало укоснит,
Тот будет обращен воронкою в зенит,
А попросту сказать, повешу вверх ногами,
И будет он висеть, как шут, между богами.

Происхождение этого выражения объяснял С. М. Бонди, считавший, что «выражение это применялось к картонному шуту, висевшему на веревке, в известной детской игрушке» (там же, с. 160). Л. В. Крестова вернулась к вопросу о толковании этого оборота в записи Пушкина (Пушкин и декабристы. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1962, М.—Л., 1963, с. 41—48). Предположения ее поддержки у исследователей не нашли. Позднее С. М. Бонди уточнил (в устной беседе), что слова «висеть, как шут» могут иметь в виду шута горохового, т. е. чучело в огороде.

³⁰ См.: Эфрос, с. 362.

видят отца поэта,³¹ три портрета декабриста С. П. Трубецкого.³² С ним был Пушкин знаком в юности, бывал в доме его тестя, графа Лавалля, не раз читал там свои новые стихи. Сейчас же он — под тяжестью услышанных в Москве рассказов о неблагоприятной роли «диктатора», который должен был возглавить восстание, но не явился на площадь к ожидавшим его войскам...

Наверху страницы, выше портретов, Пушкин рисует виселицу с пятью повешенными, рисует вал, ворота.

Не раз уносит его мучительная мечта к этому тягостному видению.

О том, что виселица была огромна, что все пять человек повешены были на одной перекладине, Пушкин узнал, конечно, от Пугачева, молодого офицера, который был среди народа, видевшего казнь.

Его привез к Пушкину в гостиницу Баратынский. Несомненно от Пугачева слышал Пушкин и о том, где именно в Петропавловской крепости была водружена виселица.

Рисунок Пушкина со свойственной ему точностью воспроизводит местоположение виселицы — «на высоком валу Кронверка у ворот», как это устанавливает в наши дни исследователь, отмечающий и то, что это — единственное современное казни изображение ее.³³

Рисунок этот упирается в строку «И я бы мог, как шут, висеть?». Контуры вала перечеркивают портреты.

Ниже — еще портреты. Какие-то люди, быть может встреченные в Москве и обратившие на себя внимание необычностью физиономий (двое в очках), значительностью лица (внизу направо). Среди них могут оказаться и декабристы, мысль о них не покидает Пушкина.

Лицо веселого молодого человека внизу листа, среди человеческих фигур и пляшущих чертиков, кажется, проясняется. По видимому, это Павел Сергеевич Пущин.³⁴

Не мог Пушкин в эти дни размышлений о тяжелой каре, постигшей энтузиастов Свободы, не вспомнить своего постоянного кишиневского собеседника — генерала Пущина (однофамильца лицейского друга Пушкина — Ивана Ивановича Пущина).

«В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым», — считал нужным Пушкин признаться своему старшему другу Жуковскому в том, что может бросить на

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ См.: Петров А. Штрихи ложились на бумагу... Рисунок Пушкина прочтен. — Пушкинский праздник. Специальный выпуск «Литературной газеты» и «Литературной России», посвященный Третьему Всесоюзному празднику поэзии, 1969, 30 мая—6 июня, с. 18—19.

³⁴ См.: Цявловская Т. Невоплощенный замысел Пушкина. — Литературная газета, 1972, № 11, 15 марта; Рисунки Пушкина. Изд. 2-е. (в печати).

него тень в глазах правительства. (Письмо это, написанное в начале следствия над декабристами, в двадцатых числах января 1826 г., было послано по «верному случаю» и предназначалось Пушкиным к сожжению).

С Павлом Пуциным были у Пушкина приятельские отношения. Они неизменно встречались у Орловых, бывал Пушкин и у него, брал у него книги. В день рождения Пушкина в 1821 г. его посетили Пуцин с Алексеевым и Пестелем. Тогда же отметил это Пушкин в своем дневнике.

«Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. той, за которую уничтожены в России все ложи. (Кишиневская ложа под видом благотворительной деятельности преследовала цели политические, — Т. Ц.). Я, наконец, был в связи с большею частью нынешних заговорщиков», — продолжал исповедоваться Жуковскому Пушкин.

Создателем ложи «Овидий» в Кишиневе и гроссмейстером ее был Павел Пуцин. Именно как к видному масону обращает к нему Пушкин свое стихотворение 1821 г. В нем отражается тот подъем, который овладел Пушкиным в связи со слухами о будто бы предполагавшемся тогда походе России против Турции. Это было в феврале 1821 г. в Молдавии, вскоре после начала греческого восстания.

Строки:

Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!

— воскрешают политический смысл, скрывавшийся за обрядами в ложе, и мечты генерала Пуцина воспользоваться революционным опытом испанского генерала Квируги.

Тон этих стихов, патетические восклицания, столь чуждые поэзии Пушкина, говорят о шутливом, лукавом характере стихотворения.

Рисунки на этом листе закрепляют впечатления, вынесенные из Москвы, где он увидел Василия Львовича, состарившегося за те десять лет, что они не виделись. Там же наслушался он о Сергее Трубецком, «диктаторе» восстания, не явившемся к войскам. Об отце он думал, очевидно, после скандального разрыва с ним в Михайловском. Пушкина не могла не беспокоить предстоящая в Петербурге встреча. О Павле Пуцине, не привлеченном к следствию, Пушкин мог, вероятно, услышать, что тот поселился недалеко от Михайловского.³⁵

5

Покончив с портретами, поэт набрасывает пляшущие фигурки чертей, человечков. Затем уже рисует виселицу с пятью

³⁵ См.: Иезуитова Р. В. Письмо Пушкина к П. А. Осиповой. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1965. Л., 1968, с. 37 и след.

повешенными. Наверху листа и внизу — с валом, с воротами. Линии вала идут по рисункам, уже Пушкину не интересным.

Датируется этот лист по положению в «третьей масонской тетради»³⁶ концом ноября 1826 г.: он следует за черновым текстом записки «О народном воспитании»,³⁷ законченной 15 ноября 1826 г.,³⁸ и непосредственно вслед за черновыми строфами XXXII—XXXVIII главы пятой «Евгения Онегина»³⁹ (глава была переписана 22 ноября 1826 г.).⁴⁰

Это — первые рисунки виселицы, которая и в дальнейшем будет навязчиво требовать от поэта графического выражения. Так, работая над «Полтавой» в октябре 1828 г., Пушкин сделал несколько рисунков на тему казней. Два наброска повешенного, со связанными за спиной руками. И тут же два рисунка виселицы с пятью казненными декабристами. На одном из рисунков изображен и вал, на котором водружена виселица, и ворота⁴¹ (или, может быть, будка, как считал А. М. Эфрос).

На другом листе нарисована фигура повешенного,⁴² о котором А. М. Эфрос писал: «...эта отдельная фигура повешенного — самая выразительная и страшная. Черты смертничества даны в ней так подчеркнута, что явно внутреннее самоистязание, с каким Пушкин их отыскал, пережил и передал. Сила и мучительность изображения достигают почти уровня зарисовок казней, которые есть у классических мастеров искусства; в одном отношении рисунок Пушкина даже ярче: в нем нет профессионального объективизма, полуравнодушия, которые свойственны анатому Леонардо или эпику Калло; своей устрашающей экспрессивностью Пушкин в одном листке ближе всего подходит к Гойе. Эта возбужденная сосредоточенность внимания на одной фигуре казненного заставляет предполагать, что мысли о виселице применительно к самому себе («Когда не буду я повешен...»; «...Если буду я повешен...») получили в этом рисунке наибольшую автобиографичность; это, так сказать, графическая пометка в дневнике».⁴³

³⁶ ИРЛИ, тетрадь № 836 (старый шифр — ГБЛ, № 2368), л. 38.

³⁷ Эти листы (49—44) входят в группу листов, заполнявшихся с обратной стороны тетради, верхом вниз.

³⁸ Дата в белом автографе: «Михайловское. 1826. Ноябрь» 15» (ИРЛИ, № 1734, л. 12 об.). См.: Измайлов Н. В. Вновь найденный автограф Пушкина — записка «О народном воспитании». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1964. Л., 1967, с. 6.

³⁹ ИРЛИ, № 836 (старый шифр — ГБЛ, № 2368), л. 40 об.—38 об. (исправляю ошибку Академического издания (см.: Пушкин, т. 6, с. 401—406), где эти черновые строфы помечены как якобы находящиеся в тетради № 2370).

⁴⁰ ИРЛИ, № 935 (старый шифр — ГБЛ, № 14), л. 48 об.; Пушкин, т. 6, с. 610.

⁴¹ Эфрос, с. 235.

⁴² Там же, с. 237.

⁴³ Там же, с. 374—375.

И еще раз, в 1829 г., работая над текстом десятой главы «Евгения Онегина», поэт вновь рисует это мучительное, неотвязное зрелище.⁴⁴

6

Как пришла Пушкину в голову мысль, что и он мог быть повешен?

Законов он, конечно, не помнил, да в это время еще и не знал, вероятно. Но он легко мог вообразить, что к смертной казни приговаривали за цареубийство, за покушение на особу царской фамилии. И на самом деле, как показала волея за Н. П. Огаревым М. В. Нечкина, в действовавшем в 1826 г. своде законов положения о «государственных преступлениях» и карах за них разработаны еще не были и предложение о смертной казни деятелей 14 декабря опиралось на «солганный вид законности» (выражение Н. П. Огарева). «Двух первых пунктов» законов, на которые опирались в приговоре, в действовавшем законе не было. Статьи о государственных преступлениях, за которые присуждались к смертной казни в июле 1826 г., введены были в Свод законов, изданный позднее (в 1832 г.) и вступивший в силу спустя десять лет после казни декабристов (в 1835 г.).⁴⁵

И тем не менее в «Приговоре» или «Сентенции», опубликованной в газетах, Пушкин мог прочитать следующее: «Все и действовавшие и соглашавшиеся и участвовавшие и даже токмо знавшие, по не донесшие об умысле посягательства на священную особу государя императора или кого-либо из императорской фамилии, также об умысле бунта и воинского мятежа, все без изъятия подлежат смертной казни и по точной силе законов все одним общим приговором считаются к сей казни присужденными».⁴⁶

Смысл этих постановлений был в том, что «государственные преступники», восставшие 14 декабря 1825 г., караются за цареубийство, хотя и не состоявшееся.

Из всех этих преступлений Пушкина могли обвинить, — мог он думать, — в недонесении «об умысле посягательства» на царя.

Пушкину же принадлежит серьезнейшие слова в письме Жуковскому в январе 1826 г.: «Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем (заговоре, — Т. Ц.)? о заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Все-таки я от жандарма еще не ушел, легко, может, уличат меня

⁴⁴ См. факсимиле в кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1963. М.—Л., 1966, с. 7.

⁴⁵ См.: Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. II. М., 1955 (в дальнейшем: Нечкина), с. 402—404; см. также статью «Свод законов» в Энциклопедическом словаре (изд. Брокгауза—Ефрона, т. XXIX, с. 193—194).

⁴⁶ Цит. по кн.: Нечкина, с. 404.

в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно». ⁴⁷

7

Тема виселицы не оставляла Пушкина.

Обдумывая разные судьбы, которые мог бы пережить Ленский, не будь он убит на дуэли, поэт допускает и участь казненных:

Исполня жизнь свою отравой,
Не сделав многого добра,
Увы, он мог бессмертной славой
Газет наполнить нумера.
Уча людей, мороча братьей
При громе плесков иль проклятий,
Он совершить мог грозный путь,
Дабы последний раздохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев.

Эта строфа XXXVIII шестой главы «Евгения Онегина», неизвестная ни в черновом, ни в беловом автографе, конечно, в окончательный текст главы шестой не вошла (где заменена римской цифрой) и стала доступной лишь благодаря копии В. Ф. Одоевского.

Датировка шестой главы детально не разработана, но одно ясно — эта строфа могла быть написана между августом 1826 (после казни в июле) и августом 1827 г. (строфа XLV помечена в черновике: «10 авг.», ⁴⁸ это 1827 г.).

Отвечая Дельвигу 2 марта 1827 г. на его упреки по поводу близости Пушкина к журналу «Московский вестник» и влечения редакции к абстрактной немецкой философии, Пушкин пишет, пользуясь образами басни Хемницера «Метафизик», — «Моск. вестник сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая?» — и тут он прямо намекает на казнь 13 июля: «(Впрочем на этот метафизический вопрос можно бы и отвечать, да NB)».

Мысль о том, что он сам избег участи товарищей случайно и «от жандарма еще не ушел», постоянно прорывается то в прозе, то в стихах.

8

Точных данных, что Пушкин знал о намерении заговорщиков — в случае необходимости царя убить, — у нас нет, но есть

⁴⁷ Пушкин, т. 13, [М.—Л.], 1937, с. 257.

⁴⁸ Пушкин, т. 6, с. 410.

множество косвенных данных, поддерживающих такое предположение: и знал, и ждал.⁴⁹

Размышления после аудиенции у Николая I о том, почему был он вызван к царю, к чему вел его вопрос, с кем бы он, Пушкин, был, оказавшись он 14 декабря в Петербурге, — легко могли заронить в голову поэта, человека повышенной впечатлительности, мысль, что он сам был на краю гибели, как и все, обвиненные в принадлежности к тайным обществам.

В мае поехал Пушкин в Петербург — и через месяц, 29 июня, был он уже вызван петербургским полицмейстером.

Это было в те дни, когда впервые после казни, впервые после декабрьского восстания и даже впервые после своей ссылки Пушкин попал в столицу. Семь лет не был он там. Можно вообразить то волнение, которое охватило его, когда, обступаемый воспоминаниями — и историческими и личными, — он зашагал по улицам и площадям города.

И вновь потребовали Пушкина на объяснение 24 ноября 1827 г., вернувшегося из поездки в Москву, в день, когда он шел к именниницам Карамзиным — к матери, Екатерине Андреевне, и к семнадцатилетней дочери — со стихами; ему испортили настроение новыми вопросами: каким образом случилось, что отрывок из «Андрея Шенье», будучи не пропущен цензурой, стал «переходить из рук в руки во всем пространстве».

«Что же мне вам сказать, сударыня, о пребывании моем в Москве и о моем приезде в Петербург? — писал Пушкин около 10 июня 1827 г. из Петербурга Прасковье Александровне Осиповой в Тригорское. — Пошлость и глупость обеих наших столиц равны, хотя и различны, и так как я притязую на беспристрастие, то скажу, что, если бы мне дали выбирать между обеими, я выбрал бы Тригорское, — почти как Арлекин, который на вопрос, что он предпочитает: быть колесованным или повешенным? — ответил: я предпочитаю молочный суп».⁵⁰

«Пошлость и глупость обеих наших столиц» — это, вероятно, выражение, передающее то притушение мысли, общественных интересов, то недоверие друг к другу, которые были характерны для перепуганных, осторожничающих людей периода после разгрома декабристского движения. Но не все же были таковыми! Были же люди, которые радовали Пушкина. Это скажется в деревне, когда он возьмется за перо.

Не могли не волновать его общение с ближайшим другом Дельвигом, его неизбежные рассказы о казни, свидетелем которой он невольно оказался (об этом говорит Н. В. Путята, сам оказавшийся среди нежданных зрителей сооружения виселицы и

⁴⁹ См.: Цявловская Т. Г. Муза пламенной сатиры. — В кн.: Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева. Кишинев, 1961, с. 168—174.

⁵⁰ Казнь декабристов. Рассказы современников. 2. Рассказы Н. В. Путяты. — Русский архив, 1881, кн. 5, с. 344.

самой казни),⁵¹ встречи с приятелем юности Юрьевым, под разговоры которого Пушкин нарисовал Кюхельбекера и Рылеова на Сенатской площади 14 декабря (это только то, что нам стало известным).

13 июля была первая годовщина казни, которую Пушкин несомненно мучительно отмечал в Петербурге. 16 июля пишет он стихотворение, посвященное общности дела погибших друзей и поэта, — «Арион».

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозюю,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

В единственной дошедшей до нас рукописи «Ариона» — белом автографе с поправками, датированном поэтом $\frac{16 \text{ июля}}{7}$, т. е. 16 июля 1827 г., стих 13 записан первоначально:

Гимн избавления пою
исправлен тут же: Я песни прежние пою
и наконец: Спасен Дельфином я пою.

Тут должны мы отвлечься.

Исследователь не может не остановить своего внимания на том, что самый ударный, выразительный стих «Ариона» — «Я гимны прежние пою» — появился в тексте далеко не сразу. Три известных нам варианта 13-го стиха, написанные в 1827 г., были заменены впоследствии тем стихом, ради которого, казалось бы, написано стихотворение. Когда? Быть может, только в 1830 г., перед публикацией стихотворения в «Литературной газете» в том окончательном виде, который всегда и печатается? — Сказать трудно.

Подобные же случаи мы наблюдаем, изучая историю написания некоторых других стихотворений Пушкина.

Так, в стихотворении «Не пой, красавица, при мне...» строфа, раскрывающая драматизм ситуации, появляется далеко не сразу: третьего четверостишия в первой редакции не было. Ключевая строфа, в которой становится ясным, что «далекая, бедная дева» является для поэта «милым, роковым призраком», невольно возникающим в воображении при музыкальных ассоциациях и рождающим мучительную раздвоенность чувств, — возникла позднее.

Этим объясняется и лишенная даже признака трагизма «Грузинская песня» Глинки, написанная на первую редакцию стихотворения, когда еще не существовало четверостишия, представляющего собой драматический узел стихотворения.

⁵¹ Пушкин, т. 13, с. 330, 563 (оригинал по-французски).

Так и знаменитая ремарка «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове» появляется только в третьей белой рукописи.

Первоначальный вариант «Ариона» («Гимн избавления пою») — в сущности, развитие мысли, заложенной в начатом было стихе «И я бы мог, как шут ви<сеть>». Понять этот первый вариант и неожиданный поворот мыслей поэта помогает чтение стихотворения «Андрей Шенье». (Оно было написано еще до декабрьской катастрофы, в мае—июне 1825 г.).

Историческая основа этого произведения заключается в том, что французский поэт Андрей Шенье, приветствовавший революцию 1789 г., стал затем (с 1790 г.) энергично выступать против якобинской диктатуры. Он был обвинен в участии в монархическом заговоре, заключен в тюрьму и казнен (в 1792 г.).

Пушкин воспроизводит течение мыслей Шенье накануне казни.

Если смена душевных состояний поэта в «Арионе» (общественное самоутверждение — «Я гимны прежние пою» — вместо непосредственного, естественного «Гимн избавления пою») обнаруживается только при обращении к рукописным вариантам стихотворения, то в исторической элегии «Андрей Шенье» подобный процесс протекает на глазах читателя. Сложно, с переходами из одного состояния в другое, разворачивается он в длинном, глубоко психологическом монологе героя.

Несколько элегических стихов этого монолога с сетованиями об ушедших годах беспечности были написаны в черновой рукописи прежде всего.

Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для сладких искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу и друзей и сладостную лень!..
Судьба лелеяла мою живую младость,
Беспечною рукой меня венчала радость.
На шумных вечерах мой взор, мой звонкий смех
Далеко возвещал час утех. —
Когда ж утомлены вакхальною тревогой
Друзья над чашею треногой

Здесь лирический фрагмент обрывается. И то, что он написан прежде всего текста «Андрея Шенье», и слова «звонкий смех», «друзей любимый друг», в вариантах этого черновика характеризующие живой образ самого Пушкина, — все выдает автобиографичность рожденного лирического стихотворения.

Однако этот неразвившийся замысел, с признанием в упадке духа, поэт оборвал.

Он перевернул лист и стал писать стихотворение о поэте Французской революции. «Поэта ждет мятежная секира», — так он начал; потом заменил: «Подъялась вновь усталая секира», — и стихи полились быстро и горячо.

Завтра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца

О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

Пушкин вписал заглавие — «Андрей Шенье в темнице» — и вложил в уста историческому герою (в своем месте, далеко не сразу) элегию, начатую было о себе.

«Андрей Шенье» пронизан автобиографическими мотивами, чего не скрывал от друзей и сам поэт. «Душа! я пророк, ей-богу, пророк! — писал он Плетневу после смерти Александра I. — Я Андрея Ш^кенье» велю напечатать церковными буквами во имя от<ца> и сы<на> etc». Пушкин имел в виду стихи:

И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.

Поэтическое прозрение, интуитивное постижение мыслей и чувств приговоренного к казни французского поэта подтвердилось личным опытом Пушкина, когда он вообразил висевшую над ним петлю... Первое естественное чувство радости при спасении от смерти — «Гимн избавления пою» — уступает место решительному сознанию своей гражданской миссии: «Я гимны прежние пою».

И все же общественный пафос не заглушил непосредственной живой реакции на нависшую было над Пушкиным смертельную опасность. Мотив этот остался под спудом, а порой и пробивался на поверхность. Так прорвался он в стихотворении «Е. Н. Ушаковой»:

Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

Стихотворение написано 16 мая 1827 г. девушке, к которой Пушкин сильно привязался за четыре месяца жизни в Москве. В стихах отражается новый этап тревог Пушкина. Против него было возбуждено дело о распространении стихов «На 14 декабря». Это был отрывок из его стихотворения «Андрей Шенье», написанный еще до событий 14 декабря. Два раза пришлось поэту давать объяснения полицеймейстеру в Москве.

Потянулось это дело за ним и в Петербург, куда он поехал весной.

И в начале 1829 г. снова выдал поэт свое ожидание катастрофы в стихотворной записке к младшей сестре А. П. Керн:

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.

Хоть и написана записка, по словам Керн, в состоянии «игривой веселости», но прорвавшееся ощущение неуверенности

в своем будущем показывает, что веселость эта была напускной, юмором висельника — «Galgenhumor» — в прямом смысле слова.

9

Деревня всегда восстанавливала душевное равновесие Пушкина. Летом 1827 г. отдых от петербургских впечатлений был ему особенно нужен.

Первое, что пишет он в деревне, — это стихи тем светлым людям, которые скрашивали ему тяжелые дни в столице. В художественном претворении изливается в этих созданиях чувство благодарности к ним: умиление семнадцатилетней дочерью Карамзинных, дружба к неизменному другу Дельвигу, благодарность художнику Кипренскому, писавшему портрет Пушкина и, конечно же, занимавшему его своими живыми рассказами.

В те же дни (или, может быть, до деревни, в Петербурге еще) создано стихотворение «Мордвинову» — славословие независимому государственному деятелю. Знаком с ним Пушкин не был. Стихи ему — дань восхищения этим удивительным человеком. Называя его «новый Долгорукой», Пушкин сравнивал Мордвинова с известным Яковом Долгоруковым, сподвижником Петра I, прославившимся прямою и независимостью, разорвавшим однажды указ Петра I на глазах императора. Дважды проявил Мордвинov показательное гражданское мужество: через несколько дней после ареста декабристов, 22 декабря 1825 г., этот старый человек подал новому царю «Мнение об указе 1754 года», доказывающее бессмысленную жестокость смертной казни. А в дни суда над декабристами он, единственный из членов уголовного суда, не подписался под приговором о смертной казни и подал мотивированное особое мнение.

Ни об одном из этих поступков Мордвинова Пушкин в своем послании не говорит — совершенно очевидно, что стихи предназначались для распространения и, вероятно, для печати (это очевидно из того, что они сохранились в белом автографе). Поэтому-то о главном проявлении политической независимости Мордвинова пришлось поэту умолчать. Судьбы послания мы не знаем. Отправил ли поэт оду Мордвинову, нам неизвестно.

Вслед за черновиком стихотворения «Кипренскому», рядом с ним, на смежной странице, тем же мягким карандашом, сверху страницы написана знакомая строка:

И я бы мог в

По-прежнему написана она с отступом, как для стихов, затем зачеркнута буква *в* — первая буква последнего, недописанного слова (*висеть?*), зачеркнута вся строка и восстановлена тут же, тем же мягким карандашом.

Итак, чувство, которое Пушкин выразил стихом «Гимн избавления пою», когда он заменил этот стих другим — «Я гимны прежние пою», — ничем не разрешилось. Сознание, что он был на краю гибели и чудом спасся, требовало воплощения в поэзии.

Пушкин выразил уже этот мотив в только что написанном «Акафисте Е. Н. Карамзиной»:

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.
Так, посвящая с умиленьем
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

Но мысль эта здесь была прикрыта иносказанием. Это не могло утолить жажды поэта выразить теснящие его чувства. И он возвращается к тому замыслу, который зародился было у него в голове, когда — после аудиенции у Николая — он сел за рабочую тетрадь в Михайловском.

Однако и теперь, написав начало этого стиха, он зачеркивает его. А затем восстанавливает, — замысел этот он откладывает, но не оставляет. Вероятно, он и не развил его никогда — никаких следов работы над ним не существует.

10

Что может делать поэт, оставшись живым, на свободе, чтобы остаться верным друзьям, сосланным на каторгу?..

Утешать героев,⁵² насильно исторгнутых из активной жизни. Эта формула — «героев утешает он», — рожденная еще до восстания, в 1824 г., выражена в четверостишии, входящем в «Разговор книгопродавца с поэтом»:

Поэт казнит, поэт венчает:
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает;
Героев утешает оп.

В этих словах Пушкин провозглашает неотъемлемое право поэта вершить суд над своими современниками в уверенности, что суд этот будет с благодарностью оценен и принят потомством. Вечные стрелы, т. е. стрелы, пронзающие навечно, — это та же «неизгладимая печать», о которой говорит Пушкин в стихотворении «О муза пламенной сатиры...».

⁵² Мне приходилось писать об этом в статье «Муза пламенной сатиры» (с. 164—165).

Смысл стиха «Героев утешает он» в том, что герой нуждается в утешении, если это герой политический, если деятельность его пресечена. В 1824 г. для Пушкина единственным примером был Владимир Раевский, с 1822 г. томившийся в каземате; ему-то и написал Пушкин в острог два послания (которые, по-видимому, не были поэтом отосланы), это было *утешение героя*, дружба с которым оборвалась, когда «спартанец» был арестован.

Поражать злодеев громом вечных стрел в обстановке подозрительности, расцветшей после 14 декабря, стало невозможным. А ведь часть 1824 и весь 1825 г. Пушкин разил официозных деятелей александровского времени в уничтожающих эпиграммах.⁵³ Но это время прошло. А вот утешать героев стало делом насущным.

Первое проявление этого поэтического милосердия было обращено, конечно, к любимому другу — Пущину. Стихи эти были созданы в Пскове, где Пушкин отлеживался после ушибов, полученных при падении из возка по дороге из Михайловского, во время второй поездки в Москву. Послание далекому другу написал поэт накануне годовщины восстания, 13 декабря 1826 г.

Светлое воспоминание о приезде Пущина в Михайловское к ссыльному Пушкину открывает послание. Оно, в сущности, — преддверие к утешению (во второй строфе), которым должно озарить заточенье Пущина нежнейшее послание поэта:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом запесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

И следующее стихотворение в Сибирь было написано ко всем закованным друзьям, но интимно обращено к особенно близким лицейским друзьям — Пущину и Кюхельбекеру. Задача поэта была вселить в товарищей надежду на возвращенье, сказать, что всех их, заключенных, на воле помнят, ценят, любят, ждут, уверены в их неминуемом освобождении.

Строка «Храните гордое терпенье» должна была не только укрепить стойкость всех каторжников, но особенно взволновать Пущина и Кюхельбекера (Пушкин не знал, что его еще нет на каторге, — он сидел в крепостной тюрьме в Шлиссельбурге), — к ним были обращены слова, знакомые по «Прощальной песни воспитанников Царскосельского лицея» Дельвига:⁵⁴

⁵³ См.: Цявловская Т. Г. Муза пламенной сатиры.

⁵⁴ Ср.: Азадовский М. К. «Во глубине сибирских руд». — В кн.: Азадовский М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.—Л., 1960, с. 438—

*Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой,
То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде — да, неправде — нет,
В несчастье — гордое терпенье,
И в счастье — всем равно привет!*

Но каким же очищенным и ясным, сконцентрированным образом зазвучали эти слабенькие и косноязычные стихи Дельвига, воспроизведенные Пушкиным в его послании:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

День, ежегодно отмечаемый лицеистами первого выпуска, день основания Лицея — 19 октября, — конечно, поминали и лицеисты на каторге.

В 1827 г. к этому дню Пушкин пишет свое проникновеннейшее обращение ко всем лицейским друзьям:

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких тайнствах любви!
Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

Все пожелания здесь, интимные и легкие вначале, все более драматические и глубокие к концу, обращены к определенным товарищам Пушкина по Лицею. Особенно же захватывает удивительный по простоте и задушевности зачин обеих строф.

Простым народным реченьем, глубоким, устоявшимся, выражает поэт беспомощное сочувствие всем в бедственной жизни их — и, главное, труженикам в шахтах, «во глубине сибирских руд».

И вновь слышим мы утешение, опять, как прежде, бодрящее, в заключительных стихах «Лицейской годовщины» 1831 г.:

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я, —
Живых надеждою поздравим,
Надеждою некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

454; Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика. Сост. Вл. Орлов. М.—Л., 1951, с. 623; Кюхельбекер В. К. Избранные произведения в 2-х томах. Т. I. М.—Л., 1967, с. 177, 648. (Курсив в цитатах здесь и далее мой, — Т. Ц.).

В июле 1830 г. (казнили декабристов в июле), словно подтверждая отважность «певца», «Арион» появляется в печати. В тексте, опубликованном в «Литературной газете», читатели увидели уже стих

Я гимны прежние пою.

Чудом было появление этого текста в печати, чудом — окончательный вариант стиха 13, общественное звучание которого достигло здесь своего апогея.

Думаю, что стихотворение, как и важнейшие слова «Я гимны прежние пою», обращено прежде всего к уцелевшим декабристам. Там, на каторге, они, конечно, отмечали ежегодно памятные дни гибели в июле их незабвенных вождей, героические дни восстания в декабре и горестное крушение дела Свободы.

Напечатанное 30 июля 1830 г., в преддверии пятилетия восстания, стихотворение вне всякого сомнения должно было воодушевить политических узников. Они не могли не узнать голоса Пушкина (хотя подписи под стихами не было).

Стихотворение тем самым выполняло свое назначение — утешать героев.

11

Слово поэта, казалось Пушкину, должно растопить жестокость монарха, осудившего декабристов столь сурово. И он решает вновь напомнить Николаю I о том, что он может простить декабристов, вернуть их. Пушкин думал, что естественна была бы амнистия: «Еще таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены: но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» (письмо Вяземскому 14 августа 1826 г.). И хотя царь не оправдал надежд поэта, — Пушкин продолжал свою миссию поэтического ходатая.

В декабре 1826 г. написаны «Стансы», построенные на аналогии между Николаем и Петром.

Первая строфа —

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни,

— влечет за собою последнюю, ради которой и написано стихотворение:

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Прямое уже здесь требование поэта, чтобы царь стал человеческим, выражено впоследствии в словах еще более откровенных:

Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

(«Герой», 1830)

Но Николай всегда пропускал мимо ушей все прямые и иносказательные обращения к нему поэта — защитника осужденных товарищей.

И, наконец, еще одно стихотворение, которому суждено было стать последним воззванием среди неустанных поэтических ходатайств Пушкина о прощении братьев на каторге, написанное к десятилетию восстания 14 декабря, в сентябре—декабре 1835 г.; оно появилось в печати только в апреле 1836 г., в первом же томе нового журнала, украшенного на титульном листе названием: «Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным». Открывая собою эту первую книжку журнала, стихотворение «Пир Петра Первого» сразу привлекало к себе внимание.⁵⁵ На это и рассчитывает поэт.

В главной строфе он требовал от царя прощения виноватым:

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его цалует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Все было тщетно: поэт и монарх друг друга не понимали. Они говорили на разных языках.

Но трогательна та неустанная настойчивость, с которой поэт постоянно обращался к царю — и каждый раз верил, что теперь-то дрогнет каменное сердце «неумолимого владыки».

Вот что ставил себе в заслугу Пушкин в «Памятнике» своем, — он знал, что он останется в сознании народа как поэт, который «милость к падшим призывал».

⁵⁵ См.: Гиллельсон М. И. Отаыб современника о «Пире Петра Первого» Пушкина. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1962. М.—Л., 1963, с. 49.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Ответственные редакторы:
В. Г. БАЗАНОВ, В. Ф. ВАЦУРО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД · 1975